

**Вершель Валентина Прокофьевна**

д-р ист. наук, профессор

Северо-Западный институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Санкт-Петербург

## **РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ:**

### **ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (1989–1991 ГГ.)**

*Аннотация:* автор данной статьи отмечает, что в последнее десятилетие до забастовок бюрократизация общественной жизни, неэффективность социальных программ, нарушение принципа социальной справедливости деформировали и мораль в сторону развития ее эгалитарных и авторитарных аспектов. На этом фоне негативные экономические и политические процессы в обществе не могли не вызвать возмущения шахтеров. Анализируя причины и результаты шахтерских выступлений, исследователь опирается на материалы текущего архива Конфедерации труда 1991 г.

*Ключевые слова:* перестройка, рабочее движение, рабочий класс, политизация, забастовка, стачечные комитеты.

Возникшее во второй половине 80-х гг. новое рабочее движение явилось одним из самых массовых и активных общественных движений в стране. Оно стало важным фактором современного экономического и политического процесса в России. Этим понятием охватывались прежде всего забастовки 1989, 1990 и 1991 гг. в шахтерских регионах и в Белоруссии; съезд независимых рабочих и общественно-политических движений в Новокузнецке весной 1990 г., где была учреждена Конфедерация труда; два всесоюзных съезда шахтеров в Москве и Донецке, итогом которых стало создание в конце 1990 г. Независимого профсоюза горняков (НПГ), а в марте 1991-го – межрегионального координационного Совета рабочих (стаечных) комитетов.

Объем свершенного, его характер, нарастающий ряд акций и мероприятий забастовочных, а затем рабочих комитетов, других инициативных руководящих звеньев убеждали в том, что это было уже серьезное и вполне сформированное движение. Впервые принадлежавшая официальным структурам монополия на социально-политическую инициативу была отвергнута самостоятельным социально-политическим творчеством рабочих. В несколько дней в Кузбассе, Донбассе, Воркуте, Карагандинском угольном бассейне сложилась структура стачечных, забастовочных комитетов разных уровней – на предприятиях (шахты, разрезы); городские забастовочные комитеты; региональные (областные) советы забастовочных комитетов.

Нас будет интересовать, какие причины побудили шахтеров к столь крайней мере?

Следует выделить две большие группы причин: *внешние*, то есть, те, которые находятся за пределами предприятий и образуют негативный социально-политический и экологический фон, и *внутренние*, которые связаны с функционированием самого предприятия. За годы перестройки произошло усиление как внешних факторов забастовки, так и внутренних.

К *внешним* причинам можно отнести рост цен, инфляцию, отсутствие товаров первой необходимости. С трудом заработанные шахтерами деньги не имели стоимости: на них невозможно было прокормить семью и восстановить собственные силы. С другой стороны, рядом живущие кооператоры, различного рода махинаторы на глазах у всех безбоязненно занимались скупкой и перепродажей государственных товаров.

К *внешним* причинам можно отнести и систему гласности. Нельзя не учитывать, что поток информации в период перестройки и гласности показал горнякам новые образцы уровня материального благосостояния и дал пищу для размышлений. Та заработная плата, что казалась прежде шахтерам высокой в рамках их привычного окружения, перестала их удовлетворять. К тому же средства массовой информации, сами того не желая, лишили рабочих привычных ориентиров и ценностей. Со страниц газет практически ушел человек труда с его проблемами,

мыслями и чувствами. В очень короткое время главными героями газет стали проститутки, кооператоры, священнослужители, бывшие диссиденты.

Важной причиной стало и недоверие шахтеров к официальным структурам власти, начиная от администрации и кончая правительством СССР, не говоря уже о местных и отраслевых органах власти. На чем было основано это недоверие? Характерный пример: за десять лет по Кузбассу было принято 15 постановлений высших органов власти и управления, но ни одно из них не оказалось выполненным. Поэтому забастовщики требовали, чтобы их переговоры велись на самом высоком уровне и выполнение договоренностей в тот период гарантировалось М.С. Горбачевым и Н.И. Рыжковым.

Еще об одной причине упоминал М.С. Горбачев: «...причина забастовок во многом в том, что Министерство угольной промышленности пытается до сих пор решать все вопросы сверху или в промежуточных структурах отраслевого управления. Получилось так, что министерство все делало для того, чтобы держать и не допускать коллективы шахт к управлению своими делами, т. е. к тому, что им дает Закон о предприятии» [4, с. 17]. То есть, перестройка управления экономикой и новые принципы хозяйствования не проникали в гущу жизни трудовых коллективов. Методы осуществления экономической реформы были выбраны без учета интересов тружеников и коллективов.

И, наконец, еще одна причина – запущенность социальной инфраструктуры и экологической ситуации в бассейнах. Колониальная стратегия центральных ведомств и министерств, ориентированных на безвозмездное выкачивание ресурсов, в конечном итоге привела к резкой деградации условий существования трудящихся.

Эгоизм, варварство ведомств превратили этот заповедный край в экологически грязную зону – здесь разлиты моря нефти, порушен ягелевый верхний слой. К тому же пожары ежегодно наносили непоправимый ущерб. Такой циничный колониальный подход к краю, как к резервации – побольше взять, урвать, выкачать из него, вызывал такое же отношение и к людям, к условиям их труда и быта: изношенная техника, отвратительные дороги, гибнущие на пути к работе

люди. Родившиеся к тому времени 20 лет назад города Севера – уже были глубоко больным социумом с людьми, выброшенными за пределы человеческой цивилизации.

Это внешние – для предприятия – причины. *Внутренние причины* коренились в характере отношений, складывавшихся в рамках самого трудового коллектива. Этих причин было несколько. Во-первых, неудовлетворенность уровнем заработной платы и условиями труда. Согласно данным ВЦСПС, 90% техники и оборудования не отвечало либо санитарно-гигиеническим, либо эргономическим, либо техническим требованиям безопасности. Отсюда высокий уровень травматизма среди шахтеров. Во-вторых, – недоверие шахтеров к административно-управленческому аппарату шахт. За месяц после забастовки только в Донецкой области стачкомы объявили недоверие 42 директорам шахт и объединений. Почти каждому третьему [1, с. 63]. В-третьих, отсутствие действенных механизмов социальной защиты рабочих. И, в-четвертых, нежелание официальных профсоюзов отстаивать интересы трудящихся.

Внутренний пласт причин заключал в себе и ответ на вопрос, почему забастовали именно шахтеры, а не рабочие иных отраслей, чьи условия жизни были ничуть не лучше. Высокий уровень организованности именно этого отряда рабочего класса объяснялся тем, что они представляли собой довольно замкнутую социальную группу, пополнявшуюся за счет жителей шахтерских поселков, «своих людей», объединенных общими заботами, общей социальной средой, постоянством места проживания.

Анализ причин и условий возникновения забастовки шахтеров подводит к пониманию требований, выдвинутых ими. Буквально в течение года произошло быстрое политическое созревание рабочих. Начав в основном с экономических требований, шахтеры, будучи неудовлетворенными их выполнением (многие меры, предусмотренные постановлением Совета Министров СССР №608, оказались нереализованными), стали выдвигать политические требования.

Процесс политизации шахтеров получал новый импульс всякий раз, когда правительство страны либо игнорировало просьбы бастующих, либо усиливало

нажим на последних. Так, например, 11 марта 1991 г. шахтеры ожидали ответ союзного правительства на предложение сесть за стол переговоров. Ответа не последовало. Тогда в Донбассе остановилось сразу 25 шахт. В панике были энергетики и металлурги. «Верхи» делали расчет на то, что топливный кризис вызовет недовольство по отношению к шахтерам со стороны остального населения, и стачечные волнения захлебнутся на местах. Против забастовщиков были включены и другие механизмы: им отрезали телефонную связь, угрожали судом и судили, скрывали информацию об истинных масштабах забастовок. Те, к кому апеллировали отчаявшиеся шахтеры, избрали тактику пренебрежения. Премьер-министр Павлов не пожелал вести переговоры с людьми, «которые не работают». Министр Щадов пообещал «суровое возмездие» [3].

Но все эти меры вызывали противоположную реакцию, и события развивались не по тому сценарию, который ожидали в Москве. Противодействие стачке только еще шире раздвигало ее границы. Из локальных требований горняков постепенно рождались общие, направленные прежде всего против центра. Не удивительно, что в июле 1990 г. в стране была проведена чисто политическая забастовка. Шахтеры требовали отставки правительства СССР, национализации имущества КПСС, выведения парткомов с предприятий, пересмотра Конституции СССР и т. д.

Средства массовой информации только через несколько дней сообщили населению страны правду о размахе и силе однодневной забастовки: только в Кузбассе в ней участвовало около 300 тысяч человек. Бастовали шахты «Капитальная», «Шушталепская», имени 60-летия СССР в Осинниках, в Берёзовске – 6 шахт, в Междуреченске – 12, в Кисилёвске – 10, в Прокопьевске – 11. На сутки остановились 124 шахты Донбасса. В Павлограде – 11. В Воркуте – 13. На проходившем в эти дни (12 июля) XXУШ съезде КПСС было объявлено, что на площадь в Кемерове вышли 70 экстремистов. Через три дня после стачки диктор центрального телевидения, как бы исправляя ошибку, объявил о том, что в тот день стояла половина добыточных шахт страны [15].

Итак, в результате забастовочного движения на арене политической жизни страны появился новый социальный субъект, у которого стали оформляться собственные общие интересы, отличающиеся от интересов других классов и социальных групп, формироваться общие ценности, единство действий и чувство солидарности.

Кроме того, в ходе забастовок были созданы политические и экономические организации рабочих, оперативно решающие сложные задачи производственного, социального и политического характера. Началось стремительное, радикальное обновление профсоюзов, решивших выйти из государственно-бюрократической системы управления и заявивших о социальной защите трудящихся как своей главной функции.

Забастовочное движение ускорило также принятие новых важных законов – Закона о забастовках, Закона о профсоюзах, Закона о занятости и др. Оно явилось результатом того, что *обществом было принято само забастовочное движение и забастовка как способ разрешения производственных, социальных и политических проблем.*

После 1991 года рабочая активность пошла на спад. Она не вызвала, как ожидалось, создания новых политических форм и институтов. Большое число организаций, ассоциаций и групп ушли в небытие, не оставив отпечатка на ходе политической борьбы в стране. Участвовавшая в забастовочном движении интеллигенция, предав интересы шахтеров, которые оказались обманутыми, быстро устроилась во власти, где пребывает и по сей день.

### ***Список литературы***

1. Андрианов В. Горный удар // Диалог. – 1990. – №1. – С. 63.
2. Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь? – М., 1989. – С. 17; 43.
3. Материалы получены автором из текущего архива Конфедерации труда в 1991 году при подготовке публикаций для центральной и ленинградской прессы.
4. Текущий архив межрегионального координационного Совета рабочих (стачечных) комитетов 1991 года.